

Жила-была ведьмочка. Нос торчком, волосы пучком, глаза с огоньком. Носила она колпак дугой, башмаки с дырой, платье до пят – вот и весь наряд. Вся в сером, как грозовая туча. А звали её Фирка.

Но это только с виду ведьмочка была такая ужасная. Внутри у неё скрывалась воздушная, сладкая, бело-розовая, словно сахарная вата, душа. Просто душу так просто не разглядишь, её по поступкам обычно видно. А поступки-то у Фирки хромали.

Встанет она с утра: зубы не почистит, волосы не расчешет, поплюёт на ладошки – умылась немножко.

Теперь бы позавтракать, а нечего! В кастрюле пусто, в чугуне пусто, да и в погребке не густо – одна гнилая капуста. Сунет Фирка нос в печку, чихнёт пару раз – и из дома вон, на солнышко. Греется, будто кошка, на лавочке, с воронами болтает о том о сём, диким яблочком перекусит – так до вечера время и проходит.

Долго бы это продолжалось и ещё дольше, да завелась в доме Чумазка. Выбрала угол потемнее, погрязнее и поселилась там самовольно – и довольна. Сама чёрная-пречёрная, только глаза жёлтым горят, словно два огонька. Поначалу Фирка её не замечала, а потом обнаружила на полу странные следы – так и познакомились. Места в доме полно, отчего бы не потесниться?

Вот только Чумазке одного яблока в день маловато. Как оголодала, быстро за дело принялась: сперва умяла один за другим все стулья, потом стол, после – котёл, ложки и вилки ушли за присест и над кроватью пыльный навес, солонка, маслёнка, печная заслонка, лавка с забытой на ней безрукавкой, книжная полка пошла на добавку... А за буфет Чумазка схватилась – даже не подавилась!..

Что Фирке стол и буфет, она третий день в одном башмаке ходит – другой-то Чумазка проглотила. Совсем Фирка обленилась.

А Чумазка как перекусит, так сразу растёт. Сначала была не больше котёнка, потом вымахала с собаку, скоро с печкой сравнялась, а после в потолок упёрлась и ни туда ни сюда – застряла. Захотела Фирка вечером в дом зайти, а дверь не открывается. В окно сунулась – оттуда шерсть чёрная торчит.

– Пусти! – кричит Фирка. – Это мой дом!

А Чумазка рычит, фырчит, есть захотела – заревела:

– Ам! Ам! Ам!

Вот тогда-то Фирка и спохватилась. Села на лавочку и задумалась: как же в дом-то попасть? К ночи на улице стало холодать... А с другой стороны, что теперь с Чумазкой делать: не покормишь – совсем оголодает. А как кормить? Где у неё рот теперь? Совсем Фирка озябла, так ничего и не придумала, легла спать прямо на лавочке.

Да только как тут заснуть, когда из трубы вдруг дым повалил: сначала фиолетовый, потом зелёный, красный, оранжевый, а напоследок – синий. И жёлтые искры во все стороны посыпались!

Вороны закружились над домом:

– Кар-р! Кар-р! Пожар-р!

А Фирка за голову схватилась: добралась, значит, Чумазка до волшебной палочки – она как раз где-то на чердаке валялась, паутиной покрывалась. Теперь что угодно случиться может.

До утра Фирка вокруг дома ходила, кончик колпака жевала от волнения – никакого настроения. А как рассвело, в животе у неё громко заурчало: вспомнилась вдруг каша, которую бабуля когда-то на завтрак варила – манная, с кусочком маслица и ложкой джема на краю тарелки, вишнёвого. Фирка даже за палец себя укусила, так ей каши той захотелось. Всё бы отдала хоть за одну ложечку!

Чумазка словно почуяла запах Фиркиных мыслей – завывала ещё громче и жалобней.

– Ну, будет тебе, – попыталась успокоить её Фирка. – Сварю я тебе манной каши, сварю. Знать бы только, как и из чего...

– В деревню тебе нужно, – посоветавшись, заявили вороны. – Там есть магазин.

– Далековато, – задумалась Фирка. – Для одного-то башмака. – И пошевелила пальцами в дырке.

– А метла тебе зачем, ведьмочка? – И вороны расхохотались: – Кар-ха-ха! Пешком она собралась!

И правда – спохватилась Фирка: на метле-то скорей выйдет. Только где ж она? Повертелась, осмотрелась: огородное пугало, три грядки с чахлой морковкой, на заборе кусок верёвки. Так себе обстановка.

А вороны не унимаются:

– Кар-ха-ха! На метлу смотрит и не замечает!

Как так? Фирка даже обиделась. И ещё дурацкое пугало машет на ветру длинной рукой – вверх-вниз! – как будто тоже насмехается.

Да вот же она! Фирка сразу вспомнила, как давным-давно соорудила пугало из первого, что попало под руку: перекладыны от забора, сморщенной репки, дырявой наволочки и метлы. Ещё и имечко ему придумала – Пугородник. Ворон он, конечно, не распугал, скорее наоборот, зато теперь у Фирки было много друзей среди пернатых.

Не мешкая, Фирка отвязала метлу и приспособилась сесть на неё верхом, да только как летать совсем позабыла: подпрыгнула повыше и плюхнулась обратно на землю – бумс! Вороны за животы похватались – обхохотались. Но Фирка только решительней натянула колпак на лоб, крепче вцепилась в древко и изо всех сил мысленно повелела метле подняться в воздух: «Ну! Ну! НУ!» – и метла медленно, неуверенно поплыла вверх.

– Вперёд! – прошептала Фирка сквозь зубы. – Дело не ждёт!

– Куда? Куда? Не туда! В другую сторону!

Под разноголосый хохот Фирка вырулила в правильном направлении и поспешила скрыться за лесом.

Деревня находилась неподалёку – в десяти минутах лёту. На самой её окраине стоял магазин с вывеской в окне, на которой большими красными лампочками было написано: КРЫТО. Другие буквы не горели, поэтому понять было сложно: открыт магазин или всё-таки закрыт. Фирка у витрины постояла, ногу ногой почесала, а потом толкнула дверь и вошла.

На полках лежали яркие разноцветные пакеты и коробки, в деревянных ящиках – фрукты и овощи, а у стены громоз-

дилась пирамида из упаковок с газировкой. За кассой сидел старичок с блестящей лысиной и читал газету. На Фирку он даже внимания не обратил.

Фирка поставила метлу в угол и робко ступила между рядов с товарами. Из чего же варят манную кашу? С полок смотрели хлопья, картошка, гвозди, морошка, крекеры, чипсы, чай из Melissa, мыло, бананы, халва, куркума – кругом у Фирки пошла голова.

А тем временем метла недолго стояла смирно. Почуввав свободу, она запрыгала по магазину, как молодая лошадка.

Швырх! – полетели на пол коробки и пакеты.

Бурум! – посыпалась во все стороны картошка.

Пш-ш-ш! – закачалась и рухнула башня из газировки!

Старичок за кассой стал красным, как жгучий перец.

– Это что ещё такое? – завопил он и хлопнул газетой о стол. – Хулиганы!

Метла мигом шмыгнула на улицу, перепуганная Фирка – за ней. Колпак потеряла, нос ободрала, по пути на старушку с тележкой налетела: старушку – направо, тележку – налево. А метла доскакала до угла и исчезла в кустах. Фирка было за ней бегом – да в лужу кувырком. Сидит в луже, грязь по щекам размазывает.

– Ха-ха-ха! – высунулся из окна ближайшего дома мальчишка и радостно заулюлюкал: – Юни-слиуни! Посмотрите, какая грязнуля! Ты кто, болотная кочка?

Из других окон тоже повысовывались мальчишки и девчонки и принялись смеяться и тыкать в Фирку пальцами:

– Кочка! Кочка!

Фирка совсем расклеилась: и ничего-то у неё не выходит! Метлу потеряла, платье промочила, каши приготовить не из чего, все над ней смеются, только плакать осталось...

Тут старушка с тележкой подошла:

– Вылезай-ка ты отсюда, – сказала и подала Фирке тросточку. – Чем реветь, лучше со мной пойдём, чаю попьем.

Вылезла Фирка из лужи и так стыдно ей стало: в тележке лежал маленький телевизор с трещиной через весь экран.

– Ничего, – сказала старушка. – Он всё равно был очень старым и плохо работал. Пойдём, пойдём.

И они потихоньку направились подалее от крикливой ребятни. Фирка помогала тянуть тележку и сбивчиво рассказывала про Чумазку и про манную кашу:

– Бабулина каша была особенная, волшебная, понимаете? Съешь её – и сразу так тепло становится. Может, и у Чумазки внутри потеплеет, и тогда она вернёт мне дом... Эх, волшебную палочку бы сейчас!

Дома у старушки Фирка растерялась. В маленькой уютной кухне из каждой начищенной сковородки и кастрюли на неё смотрела чумазая физиономия. «Неужели это я? – подумала Фирка. – И правда, кочка какая-то».

Старушка отставила в сторону тросточку и повязала передник.

– Вымой-ка руки, – сказала она Фирке. – Пусть я и не волшебница, а знаю: волшебная манная каша начинается с чистых рук.

Фирка несколько раз намывивала руки, а потом долго тёрла их щёткой. Вода лилась чёрная-пречёрная! Зато ладони стали розовые-прерозовые!

На столе тем временем появились сахарница, стакан воды, пакет молока, пара ложек, кастрюлька в горошек, солонка, маслénка и жестяная банка с надписью «МАНКА». А для Фирки нашлось полотенце вместо передника.

Старушка смешала в кастрюльке стакан воды и три стакана молока, а потом подслеповато прищурилась:

– Отмерь-ка девять ложек крупы, девочка, – попросила она и вручила Фирке ложку. – Мне такую мелочь тяжело считать.

Волнуясь, Фирка взялась за ложку: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. Главное – ничего не рассыпать по пути к кастрюле!

Старушка разожгла небольшой огонь на плите.

– Помешай-ка кашу, да на плиту её. Там ей самое место!

И с этим Фирка справилась, только пришлось влезть на табурет.

– Посолить! Подсластить! До кипения варить! – весело пропела старушка, подавая Фирке солонку и сахарницу. – Мешать сначала по часовой стрелке, потом в обратную сторону! Да не забудь делать это с любовью – всяко слаще будет.

– Бульк! Бульк! Бульк! – подпевала каша.

«А запах-то какой! – приняхалась Фирка. – Только где же волшебство?»

– Буру-Пуру! Тару-Пару! Стань ты каша всем на славу! – Старушка погасила огонь и ловко разлила кашу по тарелкам. – Садись за стол, не стесняйся.

Фирка стесняться не стала: набросилась на свою тарелку – и ну давай есть. Каша горячая – язык обжигает, но вкусная – не оторваться! В животе быстро потеплело, да и на душе повеселело.

– Ну что, волшебная каша получилась? – спросила старушка.

– Угу, – сказала Фирка, не отрываясь от ложки, но сама всё же подумала: «Старушка, наверное, шутит. Что-то каша настоящим волшебством и не пахнет».

Хорошо было в гостях, да пора собираться: Чумазка, наверное, уже дом разгромила... А ещё метлу где-то искать... Засобиралась Фирка, а старушка ей кастрюлю в руки сунула:

– Бери, бери! – говорит. – Пригодится.

Фирка раскланялась от смущения – и на улицу. Прошлась в одну сторону, в другую, в первой же луже опять ноги промочила. Нет, в одном башмаке не дойти. Встала Фирка на первом же перекрёстке и сделала, как бабуля когда-то учила: гикнула, свистнула, на пятке три раза повернулась и прислушалась – не летит ли метла?..

Нет, не летит – видно, всё опять Фирка напутала. Тихо вокруг, только гроыхает что-то негромко, будто где-то жестянка по дороге катится. Так и есть, жестянка, только не одна, а вместе с другим мусором: сухими листьями, конфетными обёртками и дырявым пакетом в придачу. А из кучи этой ручка метлы торчит, как свечка на торте.

– Прилетела! – обрадовалась Фирка.

Сунула кастрюлю под мышку, а другой рукой обняла негодницу. Метла крепко прижалась к чумазой щеке, будто прощения просила. Так и помирились.

Фирка понеслась над деревней – у-у-ух! Только в ушах засвистело. А впереди уже лес до небес: остроголовые ёлки плотными рядами стоят. От кастрюли под боком тепло, радостно, скорей бы до дома добраться-не потеряться. Вдруг

Фирка подумала: «А если не поможет каша? А если Чумазка уже дом развалила да в чаше затаилась?..»

А над болотом ветер ка-а-ак налетел сбоку – все мысли из головы улетучились, ка-а-ак стукнул в плечо – кастрюля-то и выскочила. И вниз, прямо в болотную жижу угодила.

– Ох! – только и сказала Фирка.

Заплакать бы, да некогда. Фирка спустилась на метле пониже и сделала пару кругов над болотом, только бестолку: одна грязь кругом и тина, кастрюльки в горошек нигде не видно. Обидно!

Фирка хотела обратно к деревне повернуть, но вдруг заметила странное копошение между деревьями и ёлок и опять пошла на снижение. А там звери несутся, перепрыгивая кочки и пенёчки. Мыши с мышатами, барсуки и ежи. Зайцы с лисами бок о бок бегут! Кричат:

– Спасайся, кто может!

Фирка сразу догадалась, кто их так напугал, и поскорей домой полетела. До родной поляны рукой подать. Вот и дом, только не узнать его... Вот-вот на куски развалится: трещит, кряхтит: или лопнет, или взлетит. Чёрные космы пробиваются через щели, топорщатся в разные стороны, как ежиные иголки. А рёв стоит – уши закладывает. Фирка чуть на ногах удержалась.

– Улетай! – каркнула одна из ворон. – Сейчас рванёт! – А сама в укрытие.

Фирка стоит у дома, не знает, за что схватится: то ли бежать, то ли спасать. А как спасать? Каша-то пропала...

Тут Фиркиной ноги кто-то холодный и мокрый коснулся. Прямо за палец, который из дырки в чулке торчал. Она сперва подпрыгнула от неожиданности, а потом рассмотрела в траве крохотного лягуша. Он заквакал что-то – ничего из-за Чумазкиных воплей не слышно. Фирка на колени опустилась и ухом к земле.

– Многоуважаемая госпожа ведьма! Разрешите представиться: Прыгли-Дрыгли, – важно проговорил лягуш. – Не могли бы вы принять эти скромные подарки от Его Величества Болотного Трижды-Ква? – И на кастрюльку в горошек показал. – Ква!

Кастрюлю держали в лапках десять лягушат, а ещё столько же – свёртки разных размеров. Фирка рот открыла от изумления, все слова на свете позабыла.

Тут как бабахнуло!
ТРАХ-ТАРАРАХ!
БУМ-БАРАБАХ!
БАХ-БАХ-БАХ!!!

Крыша взлетела и унеслась куда-то в лес. А из дома вы-
сунулась лохматая Чумазкина голова и уставилась на Фирку.

– АМ! – прогремело над поляной жалобно. – АМ!

Фирка за кастрюлю схватилась – повезло: ещё чуть тё-
плая. Взлетела на метле повыше и прямо в распахнутый рот
кастрюлю бросила. Рот сомкнулся, Чумазка громко прич-
мокнула и, наконец, замолчала. А Фирка спустилась на землю
и уселась прямо на траву. Что дальше – непонятно...

– Наш король – Его Величество Болотный Трижды-
Ква, – снова заговорил лягуш. – желал бы узнать, не
возьмётесь ли вы готовить для него это волшебное зелье пару
раз в неделю? Ква?

Фирка только глазами хлоп-хлоп: что за чудеса?

– У Его Величества болел живот целых три дня, никакие
лекарства не помогали, – объяснил Прыгли-Дрыгли. – А тут
прямо с неба упало ваше чудесное зелье. Всего одна тарелка – и
живот тут же перестал болеть! Ква!

Это он про кашу что ли?.. Да она же самая обычная, в
ней ни капельки волшебства.

Тут над поляной опять загремело:

– ХР-Р-Р! ХР-Р-Р! ХР-Р-Р!

Оглянулась Фирка на дом, а Чумазка уже спит: голову на
бок положила и глаза прикрыла, а изо рта – только успевай
ловить – пропавшее добро сыплется. Вот на землю стулья
полетели, плюхнулся стол, сверху – котел, печная заслонка с
солонкой, масленкой, тут – безрукавка, там – полка и лавка,
вслед за буфетом свалился навес – выросла куча почти до не-
бес. Фирка руками развела – вот вам и каша без волшебства...

Открыла Фирка дверь своего дома, а там посреди пустой
комнаты спит комочек чёрный:

– хррррр... – похрапывает. Ну не больше уголька!

Переложила Фирка Чумазку на подоконник – поближе к
солнышку, а сама, недолго думая, рукава засучила и за метлу
взялась: нечего ждать, дел невпроворот.

– Что передать-то Его Величеству Трижды-Ква? – загля-
нул в открытую дверь Прыгли-Дрыгли. – Ква?

– Ква. Будет ему каша, – сказала Фирка. – По вторникам и пятницам.

Лягуш вежливо поклонился:

– Всего доброго, многоуважаемая госпожа ведьма! Ква!

И пошла с тех пор у Фирки жизнь совсем другая. В домике чисто, опрятно, в печке – пирожки, на печке – кастрюлька с кашой. С Чумазкой не расслабишься – вмиг расти начнёт.

Да и сама Фирка изменилась: по утрам умываться стала, причёсываться, платье стирать по воскресеньям – чтоб на кочку болотную больше не походить. Только вот заштопать чулки сама не смогла – все пальцы исколола, но и с этим ей старушка помогла: как иголку держать научила и ещё многое другое по хозяйству подсказала.

Вообще Фирка со старушкой настоящими подругами стали. Починить телевизор Фирка не смогла даже с волшебной палочкой, а вот организовать ежевечерние концерты под окном её домика – запросто! За пару кастрюлек с кашей по вторникам и пятницам сам Прыгли-Дрыгли теперь песни распевает.

И перед хозяином магазина Фирка извинилась: нарисовала для него табличку, с одной стороны которой светящейся волшебной краской написала «ОТКРЫТО», а с другой – «ЗАКРЫТО», чтоб путаницы не было. А метла вдобавок ещё и крыльцо подмела.

И Чумазка тоже совсем другой стала. Фирка ее выкупала, вычистила, причесала – тут она и побелела, распушилась. Ни дать ни взять настоящая кошка. Фирка её Тянучкой звать стала – за удивительную способность обвиться вокруг колпака несколько раз.

А самое главное-то – как прибираться Фирка принялась, отыскала на чердаке бабулину кулинарную книгу, где рецепт волшебной каши был записан. И там слово в слово было: «Волшебная манная каша начинается с чистых рук».

А еще:

«Что б от каши теплело внутри,
Ты с любовью кашу свари».

И откуда старушка всё узнала, если она не волшебница? В бабулиной кулинарной книге ещё много разных рецептов было, но это уже совсем другие приключения.